

Первый этаж старого дома на перекрестке Литейного и Шпалерной рядом с набережной Невы. Комнаты, архитектурные плоскости квартиры не даются глазу, они размыты, расплывчаты, почти от порога попадаешь в книжные траншеи. Кажется, сквозь завалы старых и новых томов и не протиснуться, они угрожающе нависают отовсюду, непонятно, почему не обрушиваясь на тебя от самого потолка. У книг, видно, тайный сговор, давний дружеский союз с хозяином квартиры, невысоким человеком с молодым голосом и быстрыми изящными движениями художавой, мальчишеской фигуры.

Редкий год я уходил отсюда, со Шпалерной 22, без его новой, еще остро пахнувшей типографской краской, книги. Не брошюры, не популярного, в несколько десятков страниц пересказа чужих мыслей, а книги как результата серьезного изучения, научного подвижничества, книги как составной нашей культуры — истории музыки, театра и литературы. Даже в последние, роковые для книгоизданий годы, опубликован его труд «Дом Энгельгардта» — история концертной жизни Петербурга первой половины XIX века и серьезное исследование в серии «Música et Literatura» — «И. С. Тургенев» (издательство «Композитор», С.-Петербург), — книга редкого богатства творческих идей, наблюдений и находок.

Если бы в любой другой области нашей жизни кто-либо за шесть десятилетий проделал труд, сопоставимый с его вкладом в русскую культуру, этот «кто-либо» был бы прославлен, знаменит, портрет его то и дело украшал бы страницы газет и журналов, красочные глянцевые обложки финского изготовления по заказам России.

Обитателю книжных траншей на Шпалерной 22 некогда думать о таких пустяках.

Всякий раз в волнении листаю новые, дополненные издания нашего одногомного фундаментального «Энциклопеди-

ческого словаря» в надежде, что однажды найду в нем имя своего мудрого, ученого, однако же и слишком простодушного для нашей яростной жизни, друга — Абрама Акимовича Гозенпуда, разумеется, профессора, доктора наук и все такое прочее. Жажду этого знака уважения я, а не он, он еще, пожалуй, оскорбится, что я коснулся этого. Жажду я, и не без оснований: ведь в промежутке 1959-1975 годов он опубликовал семь своих авторских томов истории русского оперного театра, труд посильный разве что целому ученому институту, коллективу искусствоведов, и дополнил это свое исследование выпуском им же созданного «Оперного словаря». Вот они семь томов, которыми я вчуже горжусь как редчайшим результатом творческих усилий одного человека: «Музыкальный театр в России», «Русский оперный театр XIX века» — трехтомное исследование, «Русский оперный театр на рубеже XIX и XX веков», «Русский оперный театр между двух революций» и «Русский советский оперный театр — 1917-1941». Мысленно пробегаю известные работы по истории русского драматического театра, истории живописи, литературы и не нахожу ничего равного по объему и универсальности. Попросту не сразу и верится, что такое по силам одному, пусть и выдающемуся ученому, одной жизни и одному уму!

А ведь сделалось это в условиях далеко не благоприятствующих, за гроши, в полунужде, почти всякая работа была отчуждена от автора в счет обязательного для научного сотрудника листажа, почти все создавалось в атмосфере так хорошо знакомых нам ущемлений, хитростей присвоения государством индивидуального труда ученых, грубо говоря — обкрадывания их труда.

Называя Гозенпуда своим другом, я не преувеличиваю, но всегда при этом испытываю чувство неловкости. Да, я друг, друг шестидесятилетней давности, но, увы, годящийся ему даже не в подмастерья, а в ученики; друг, склоняющийся перед его уникальностью энциклопедической ученостью, пронизательностью, перед его добротой, бескоры-

стием и горестной беспомощностью в столкновении с практической, за пределами науки, жизнью.

Общество обязано однажды сказать добрые слова человеку, чье существование так важно для всех нас. Похвалой его не испортишь, он только досадливо махнет рукой, но сегодня, когда труд ученых гуманитариев не ценится ни во что, когда всем им в пору завидовать заработкам уборщиц и дворников, сегодня — наш повинный поклон полному энергии подвижнику. Это наш долг.

И на сей раз из ветшающего, его дома на Шпалерной я ушел с новинкой, с книгой о Тургеневе и музыке. Она украсила мое пребывание в Питере, наполнила его высокими мотивами и увлеченно дочитывалась уже в вагоне «сидячки», почти до самой Москвы.

Чувствую боль и горечь, что не знаю, как крикнуть питерцам — не только им, — крикнуть и быть услышанным: вы ищите чуда, увлекаетесь диковинками, смельчаком, уцелевшим в поездке к островным канибаллам, ищите информацию об очередной «поп-звезде», а знаете ли вы, что истинное чудо и подвиг живут рядом с вами, только некому и недосуг рассказать о нем?! Какое счастье, что в свои преклонные года он трудится с молодой энергией, с молодой ясностью ума, с открытостью современным идеям, без которых поблекли бы и страницы истории. Но у преклонных лет есть свои издержки, своя неотменимая беда: уходят те, кто в твоей молодости был старше тебя, уходят и многие куда помоложе, кому судьба не позволила жить долго. Лес повыврублен самим временем, а подлесок шумит, отзывается другим ветрам.

Кто сегодня вспомнит с живостью и яркостью красок Киев середины 30-х годов и прекрасное начало ученых занятий моего друга?

Кто знает и помнит, что в 1948 году он был приглашен в Москву заведовать литературной частью Дома Островского, что старики Малого театра возлюбили его, почитали, покоренные его эрудицией, скромностью и добросердечием. Но наступил год 1949, год охоты за «ведьмами космополитизма» и он был начальственным, партийным пинком изгнан из театра, возвращен в Киев. Еще бы — Абрам Гозенпуд в завлотах старейшего русского академического театра! Его вернули в ад киевских собраний и митингов, туда, где бушевали нечистые страсти воителей с «безродными космополитами», — и был бы он унижен и духовно раздавлен, если бы не знал цену этим рыцарям тьмы, если бы не научился тотчас же, про себя, на любую клевету отвечать молча разящими «цитатами» из Шекспира, Мольера, Вольтера, Чехова.

Кто поймет сегодня, что более всего его распинали в Киеве за книгу о Лесе Украинке, умную, нежную, полную почтительной любви к великой поэтессе; проклинали за то, что на одной из страниц книги упоминалось испытанное Лесей Украинкой, ею же засвидетельствованное, влияние Генриха Гейне. Кто вспомнит о том, как старался ему помочь благородный академик А. Белецкий, как потрясенный начавшимся шабашем, на защиту публично бросился Дон-Кихот украинской словесности Максим Рильский?

Грязными волнами клевет, лжи, поношения ученого вынесло из родного Киева, где, что ни шаг — его святини, его прошлое, жизнь родителей, братьев, где студенческие аудитории и едва ли не каждая его лекция — событие; из Киева с молодыми друзьями и с самым близким, — пришедшим с войны Виктором Некрасовым. Здесь была написана книга о Наталии Михайловне Ужвий и,

УГОЛ ЛИТЕЙНОГО

И ШПАЛЕРНОЙ

вышедшее впоследствии, (1954) исследование «Н. В. Лысенко и русская музыкальная культура». Здесь с восторгом и обманчивой легкостью вершился и другой труд, посильный, кажется, только ему, его таланту, знанию многих языков и творческой отваге: переводы на украинский язык трех трагедий и двух комедий Шекспира, пьес Гауптмана, с датского языка — комедий Людвиг Хольберга, названного Марксом «датским Мольером».

Созданного им уже полвека тому назад вполне достало бы на целую жизнь вполне потрудившегося литератора, историка. Для него это только начало. Выдающееся, но начало. Около двадцати книг, внушительный корпус театральных, литературных и музыкально-ведческих, все еще в будущем, в Питерском будущем. Попадая в книжные траншеи и «кокопы» на Шпалерной 22, я всякий раз отчетливо понимаю, что моему другу все посильно и нет конца новым замыслам.

В Питере, кроме исследовательского труда по истории русского оперного искусства, выходили и другие серьезные труды: «Иван Ершов» — монография о жизни и творчестве Ивана Васильевича Ершова; исследование «Рихард Вагнер и русская культура», «Н. А. Римский-Корсаков», «Достоевский и музыка», сборник избранных статей, книга об английской и французской драматургии XX века («Пути и перепутья»). Годы ушли на изучение жизни и музыкального наследия выдающегося чешского композитора Леоша Яначека, чье творчество связано с темами и произведениями Островского, Достоевского и Гоголя, и родилась книга о Леоше Яначеке, ставшая серьезной научной вехой в познании давних, духовных связей России и Чехии.

Последняя по времени книга, уже упомянутая мной — «И. С. Тургенев» вышла из печати в конце 1994 года. Книга о Тургеневе, о современной ему музыке, о выдающихся оперных актерах и певцах, о развитии и борьбе музыкальных идей и течений XIX века. В издательской аннотации сказано, что книга рассчитана на широкий круг читателей, и, дочитывая ее последние страницы, я убедился не только в том, сколь справедлив этот адрес, но и, думаю, мне, понял, чем достигается такая доступность книги, трактующей, что ни говори, высокую, тонкую материю — искусство музыкальное.

Тургенев с давней, детской поры — один из кумиров Гозенпуда: сумеет ли автор сохранить объективный взгляд на сложный, противоречивый музыкальный мир писателя, отягощенный сильным чувством, страстью, добровольным, «сладким рабством» у Полины Виардо, личности яркой, значительной, но не равной духовно Тургеневу? Как поступит автор с заблуждениями Ивана Сергеевича, человека по праву написавшего: «Я люблю музыку...люблю и смею думать — знаю ее» — и все же не до конца открытого новым музыкальным вея-

ниям, новым завоеваниям оперной музыки, особенно значительным в Российской поры — последней трети прошлого века? Не прельстится ли автор возможностью замкнуть всю сложную «постройку» на камерном, обеспечивающем читательский интерес, сюжете личных отношений Тургенева и Виардо?

Напрасны мои тревоги. Верность автора художнику Тургеневу не толкнула его к «уступкам», к половинчатости и облегченности оценок или к умолчанию, в случаях, когда обнаруживается неправота или ограниченность взгляда Тургенева. От главы к главе крепнет читательское доверие к автору книги, вера в объективность и научность его взглядов и оценок. Это доверие — важнейшая составная читательского интереса, сознание (и чувство тоже), что тебя посвящают в подлинные исторические события, обращают ко всей полноте былой жизни.

Воздавая должное тем, кто писал на эту тему до него, не присваивая и малой крупички чужого, автор не может не замечать и некоторых заблуждений и неполнот, ставшей сегодня очевидной с нахождением новых документов. Как привыкли мы за минувшие десятилетия к крикливым, уличающим, разоблачительным голосам литераторов, обнаруживших чьи-то бывшие ошибки, чужие заблуждения, — и как дружески ровен, справедлив в этих случаях голос ученого, словно бы извиняющийся за случившиеся слабости или оговорки предшественников. В этом смысле книга «И. С. Тургенев» — учебник научной этики.

Увлекает она и тем, что хотя Тургенев и Виардо ее сквозные персонажи, главные действующие лица — МУЗЫКА, сама музыка, прежде всего музыка и музыкальная ЖИЗНЬ Европы. Попав в этот живой мир, уже не расстаешься с ним, понимая, что, хотя, по неподготовленности — специальной, «чеховой» — ты что-то и упустишь, но выйдешь из этого мира более богатым и увлеченным.

С самого детства у Гозенпуда крайняя, кажется, предельная близорукость.

Сегодня, отвоевав у книг и бумаг с полметра пространства на собственном столе, он пишет, склонившись, припав к столу, приблизив глаза к бумаге так, что подбородок ложится на бумажный лист. В последнюю встречу мне подумалось и нечто странное; что слово его становится с годами таким емким и весомым, а картины воссоздаваемой им жизни так выразительны и полны, еще и потому, что ему не до взглядов беглых, по касательной, не до случайных и поверхностных умозаключений.

— Узнал я и невеселое, чем и обязан закончить заметки.

— Среди множества бумаг, среди писем полувека, представляющих редчайший интерес, рядом с рождающейся небольшой, специально для будущей пушкинской энциклопедии, рукописью о театре и театральных идеях Пушкина, лежат без движения и две важнейшие для Гозенпуда рукописи: «Михаил Чехов» и «Художественный мир Булгакова». Ведь ему-то под 90! Он не только умудренный жизнью исследователь, но и современник Михаила Булгакова, а на живом Михаиле Чехова успел насмотреться на сцене. Две остро необходимые нам книги лежат, пылятся. Быть может, ими вдруг заинтересуется литературный архив, купит и обеспечит им надежное, но глухое, архивное, «летаргическое» хранение. Жалкая, нищенская, как положение нашей ученой бра-тии, пенсия не кормит, совсем не кормит.

И невольно хочется обратиться к пи-терцам, а с ними и к «отцу» города, господину Собчаку с одним единственным вопросом: вы так истово и так искренно помогаете всему, что сулит новизну, что полезно городу, его престижу, его делам, как же вы не замечаете настоящего и удивительного чуда рядом с собой?! Не внесете ли хоть немного размаха и спасительной деловитости в то, что так важно и благородно.

А ведь все так просто: Шпалерная улица № 22, квартира 11. И телефон: 273.90.79.

Александр БОРЩАГОВСКИЙ.